

Кто войдет в открытую дверь?

Миркин, Яков Моисеевич. *Открытая дверь* / Я.М. Миркин. — Москва : Лингва-Ф, 2018.

Любой справочник сообщит (если кто-то этого еще не знает), что Яков Миркин — известный российский финансист, доктор экономических наук, профессор. Научный руководитель Института финансово-экономических исследований Финансового университета при правительстве РФ; научный руководитель Международной школы бизнеса при ФинУниверситете, с 2009 — заведует отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН. Кроме того, Яков Миркин — один из разработчиков основ высшего образования в области рынка ценных бумаг. Автор фундаментальных работ по этой отрасли (в частности, первого и, кажется, единственного вузовского учебника «Рынок ценных бумаг» — заслугу написания этой первооткрывательской работы невозможно переоценить). Этим человеком напи-

саны очень хорошие учебные и научные книги, в правильных пропорциях сочетающие обобщения и детальный практический опыт, исторически фундированные подходы и попытки понять самую животрепещущую современность. Написаны они суховатым и бесстрастным академическим слогом: безличные формулировки, ссылки, графики и таблицы. Как и полагается писать ученые книги по финансам.

Читатель этих книг понятен и предсказуем. Это либо студент, либо такой же исследователь, аналитик, экономист.

Если такой человек возьмет в руки новую книгу Миркина — «Открытая дверь» — он, возможно, не вполне поверит глазам. Где научная объективность, где бесстрашие, где сухой академический стиль? Главы в этой книге называются так: Пунцовая зи-

ма — Горчицная весна — Колотушкино лето — Осень Ястребиный коготь. Никаких таблиц, ни единой формулы! Зато книга щедро украшена рисунками, вследствие чего выглядит как арт-объект, да по сути таковым и является.

А жанр, что это за жанр? На страницах как будто бы правит бал самая причудливая субъективность, создаваемая вихрем маленьких заметок совершенного разного содержания и эмоционального тона. При этом практически все они — насыщенно эмоциональны, чего в научном труде не может быть по определению. Нетрудно понять, что, покинув зону строгого академизма, Яков Миркин отправился прирезать новые земли к материку отечественной эссеистики. А эссеистика — вещь чрезвычайно провокативная в своей кажущейся раскованности и, фактически, вседозволенности. В эссе не существует запроса ни на жанр, ни на сюжет, ни на героев (зеркально по отношению к художественной прозе). Нет требований фактуры и достоверности, как в очеркистике. И уж точно автор этих текстов не ограничен рамками предмета, хотя бы и теми же финансами. Эссеисту можно писать о чем угодно. Вроде бы. Задача только одна: это «о чем угодно» должно быть интересно читателю.

Оказывается, однако, что это как раз трудно. Энергетика текста должна ведь иметь источник генерации. Художественная проза может удерживать внимание читателя за счет

интереса к персонажам и событиям вокруг них: Иван оказывается злодеем, Алексей едет в Барселону и Нейпидо, а Даша не любит Марка. В условиях свободы от жанровых, стилевых, сюжетных, фактологических и вообще любых установок — напряжение текста может извлекаться исключительно из личности автора. Есть личность — есть эссе. «Тот самый человек пустой, // Кто весь заполнен сам собой», — заметил Лермонтов. Точно очертив самую большую опасность для автора, устремившегося в дебри эссеистики. Поскольку — да, писать-то можно о чем угодно; и даже как угодно; но необходимое условие существования текста — а именно, наличие у него энергетика — отменить невозможно. Даже в эссе. Возможно, именно в эссе — прежде всего. А значит, сам автор должен быть «заполнен» чем-то важным для многих.

Итак, о чем же пишет Яков Миркин? Как видится вначале, ни разу не о себе. Текст наполнен и переполнен, в первую очередь, людьми (автор называет их «параллельными») — их поступками и анализом мотивов этих поступков. Поначалу все это кажется довольно пестрой мешаниной. Автор торопится, взхлеб рассказывает нам об очень разных персонажах. Любуется диапазоном этой разности. Подбавляет и подбавляет описаний в свой калейдоскоп. Мордвинов — аристократ, сановник. Николай Лохвицкий — военный и

родственник двух замечательных сестер. Максим Ковалевский — ученый. Николай Валуев — государственный деятель. Вера Инбер (неужели?! — да, она) — поэт, официальная воспевательница советского строя, которая писала очень разные стихи. Томаш Масарик — президент Чехословакии. Лорис-Меликов. Питирим Сорокин. Иван Христофорович Озеров. Чертков. Кондратьев (который про «кондратьевские циклы»). И так далее. И так далее. Огромная толпа. Но в процессе чтения все они становятся различимы.

В тексте присутствуют не только личности исторические, но также наши современники, многим из потенциальных читателей в той или иной мере даже знакомые. Некоторые не лично, но все же — как пресловутый Джаред Кушнер, зять нынешнего начальника США Дональда Трампа. А то и лично вполне. В книге, например, рассказана трогательная и драматическая история про двух младенцев («Черненький и беленький»), в которой самым неожиданным образом фигурирует многим известный финансовый наш омбудсмен Павел Алексеевич Медведев.

Кроме историй про людей, в книге присутствуют также истории про дома. (На самом деле, образующих книгу линий больше, но сосредоточимся лишь на этих). Например, про частные дома, которые, оказываются, в Москве все-таки существуют. Про дом

Мельникова. Про застройку княжества Монако. Про три дома на одном участке в Переделкино. И еще много разных других. А далее две эти ветки — про людей и про дома — начинают переплетаться, закручиваясь лихо и очень лихо.

Мы узнаем, каким образом художник Василий Поленов сумел заключить «опцион» с Советской властью, благодаря которому семейное имущество (дом, участок) отчуждено у семьи не было, даже в самые аннигиляционные годы. И как случилось, что одареннейший и отлично продававший свои картины (а еще дома) художник Архип Куинджи оставил жену без средств к жизни. В процессе раскручивания этих увлекательных сюжетов автор даже втянет нас в обсуждение (очень корректное) вопроса, был ли прав Лев Толстой, отдавший семье материальные активы, но отказавшийся передать право на издание своих сочинений. Обсуждение, в котором Яков Миркин очевидно на стороне семьи писателя (а я — наоборот, но неважно). «... Комнатная любовь к тому, кто составляет основу твоего существования. Вещная и вечная любовь. Семья, которая должна тратить, чтобы жить и возносить своих детей на следующую вершину. Имущество как якорь такой семьи. Доходы, которые никогда не должны прерываться. Доходы сильного как часть любви к женщине».

Все эти истории — разные истории о разных людях — имеют общий смысловой центр, «яблочко», заветную идею. Тому есть причина, и эта причина — отчасти профессия, а отчасти судьба. Выше мы рассуждали о том, что тексты, напечатанные в книге «Открытая дверь», ни в коей мере не мог бы написать ученый-финансист. Разумеется, не мог, по очень простой причине: эти тексты написаны человеком, тотально живущим в финансах

и через них. Для Миркина думать о финансах, — это, похоже, одновременно и профессия, и образ жизни. Поэтому взглядом профессионала он видит и вычленяет во множестве сюжетов именно «финансовую линию» (как аспект экономической жизни вообще). Потому что семья — ячейка нации, а ребенка не вырастить без денег. Потому, что финансовая сторона жизни является одной из основ социума, одним из его драйверов и формирующих элементов.

При этом в одном ракурсе, — самом важном и прикладном, наиболее затрагивающем автора лично — речь идет о том, что форматирование конкретного социума, скажем так, не вполне задалось именно по линии финансов. И поэтому необходимо осмыслить «весь этот бред, когда страна со 145-миллионным населением, обладающая всеми мыслимыми ресурсами мира, полностью зависит от пары резервных валют и цен на пару видов сырья и не может выстроить своей собственной политики на усиление, изображая, что всё нормально, что так жизнь сложилась».

Рассказы про людей и про дома, такие разные и рассыпавшиеся вначале, начинают складываться в единую — и ох какую цепляющую каждого из нас историю. Часть этой истории еще вчера дымилась и заставляла страдать. «Мы копировали англо-саксонскую модель. Мы жили строго по её учебникам. Нам в глаза светили звёзды МВФ. Мы забивали гвозди в деревянные доски, старательно сколачивая приватизацию, финансовую стабилизацию, либерализацию, структурные реформы, мы боролись за защиту прав инвесторов и финансовую грамотность (и до сих пор боремся). Потом мы копировали континентальную модель, Евросоюз, Базель-3. Короче, социальную рыночную экономику. Мы это делали,

старательно имитируя мудрую экономическую политику в соответствии с «международными стандартами» и общепризнанной практикой. Мы сравнивали себя с развитыми странами, находясь в доведённой до бедности, сложнейшей стране.

Мы сколачивали свои деревянные будочки, теряли людей, время и престиж. Реальность — модели коллективного поведения в России, природа сложной индустриальной экономики, которая нам досталась от советского времени, агрессивная внешняя среда — всё это было другим, чем нам представлялось, и требовало других решений, хотя, конечно же, с учетом «лучшей международной практики» и рыночной перспективы. Завтра мы будем копировать азиатских тигров и, конечно, Китай, смешанный с Беларусью и Узбекистаном».

Вот этот анамнез — «модели коллективного поведения в России, природа сложной индустриальной экономики, которая нам досталась от советского времени, агрессивная внешняя среда — всё это было другим, чем нам представлялось, и требовало других решений» — представляется мне паки и паки заслуживающим внимания. И, разумеется, анализа. В том числе, исторического. Потому что матрица закладывалась давно. И возникают вопросы к самой этой матрице, ее прочности, ее протяженности.

Поскольку на этой — нашей — земле жили поколения умных, энергичных, в высшей степени нацеленных на результат и результата добившихся людей. Миркин рассказывает нам, например, что и как делали русские, из города Серпухов, купцы Второв и Коншин. Город Серпухов расположен рядом с Москвой, любой может просто съездить и посмотреть. Есть на что. Дальше следует логичный вопрос. «Какой урок в том, что строитель, фа-

брикант, создатель, с любовью строивший собственную усыпальницу, для всей семьи, на святой монастырской земле, — сгинул бесследно в 1918 году? Какой смысл в том, что большой род, с десятками детей и внуков, двести лет строивший собственную фабричную и торговую империю, растворился в небытии? Как случилось, что монастыри отстроились, а родовые фабрики уничтожены? Улицы Серпухова — Ворошилова, Ленина, Пролетарская, Ленинского комсомола, Луначарского, Революции, Свердлова, Карла Маркса, Советская, Джона Рида. Толпа мастерских по производству памятников. Бывшие заводы, заполненные мелкими ремесленниками. Уникальные образцы тканей XIX века — как их сохранить?»

К этому перечню хочется, конечно, добавить совсем простой вопрос: почему же улица Джона Рида в Серпухове существует, а улицы Коншина нет. И далее, еще несколько вопросов. Как случилось так, что труды предыдущих поколений пошли прахом? Не повторяем ли мы уже сделанные ошибки? Каким образом здесь и сейчас можно добиться качественно иных экономических результатов? Многие из описанных в «Открытой двери» людей тем или иным способом работали на процветание нашего отечества. По какой причине их «мечта о России — мерное развитие, зажиточность для всех, свободное дыхание — пока не исполнилась?»

Крайне плодотворными в этом смысле представляются рассказанные автором истории о том, как хозяйствуют и прирастают имуществом наши бывшие соседи по соцлагерю — чешские граждане («Дача под Прагой» и «Что они успели сделать»). А также вывод из этих историй: «...именно тогда я нашёл одно из объяснений тому, почему реформы в Чехии прошли мягче,

чем у нас. Не было таких ужасов, таких спадов, такой инфляции, такой убыли людей. Была—вместо этого—мирная страна, не без боли, но чем-то где-то там постукивающая, быстро латающая свои дыры.

Почему? Это были люди с ответственностью. Они жили в своих каменных домах. Часто семья пролетария занимала наследственную виллу—именно виллу—полученную в третьем-четвёртом поколении. Или огромные крестьянские каменные дома, с кирпичными амбарами, окружённые почти крепостными стенами. Там жили семьи в неизвестно каком поколении. У них не отобрали дома. И не запрещали их строить в два этажа. Им вернули землю, которую когда-то отобрали.

Мы—люди, вошедшие в 1990-е годы без собственности, без крупного имущества, накопленного в семьях многими поколениями. Его отобрали, раскулачивали, бомбили, убивали революциями и войнами. Самое лучшее, что можно сделать, чтобы жизнь в России стала устойчивее и умнее, чтобы нас не бросало в самые дикие идеологические и властные повороты,—это сделать всё, чтобы в каждой семье появилась собственность—дома, земля, финансовые активы, бизнес любого размера».

Вот такая получается эссеистика. Анализирующая больные зоны нашей сегодняшней жизни, быть может, тем точнее, чем менее формальны ее методы.

В общем, закончить было бы правильно еще одной длинной цитатой. «В чём же суть жизни того, кто пытается что-то устроить в России? Он видит лучшее, пророчествует и пишет. Он пишет, а жизнь идёт своим чередом. Идёт неправильно, из огня да в полымя, но как-то идёт, хотя и не самым лучшим образом. И движется, конеч-

но, не самыми лучшими. А он продолжает писать, рассчитывая на будущие поколения.

Эти письма передают нам отчаяние людей, пытавшихся предупредить великие потрясения в России. Они позволяют нам видеть, что мы имеем дело с одной и той же сущностью, пусть и растянутой на несколько веков, — сущностью непрерывной, длящейся, сулящей потрясения.

Она есть. И значит, о ней — нужно писать».

Ирина Слюсарева □